

Применение теорий интереса для квалификации злоупотребления гражданскими правами

С. М. Слободяник

Директор ООО «Юридическая компания «Профессионал».

Адрес: ООО «Юридическая компания «Профессионал»,
125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 47, стр. 2.

E-mail: arirang2025@mail.ru

Application of Theories of Interest to Qualify the Abuse of Civil Rights

S.M. Slobodyanik

Director of LLC "Law Company "Professional".

Address: LLC "Law Company "Professional",
47 build. 2 Leningradskiy Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation.

E-mail: arirang2025@mail.ru

Поступила 10.02.2025 Принята к печати 25.02.2025

Аннотация

Данная статья посвящена теории интереса как критерия разграничения злоупотребления гражданским правом и средства разграничения противоправного поведения и поведения, являющегося правомерным, но иррациональным. Добросовестность является оценочной категорией, которая не соответствует юридическим определениям, будь то правомерное поведение или неправомерное поведение. В этой связи автор предлагает разделить правомерное поведение на обычное правомерное (добросовестное) поведение и социально-поощряемое, которое вполне соответствует общепринятому понятию добросовестного поведения. Поскольку именно гражданское право характеризуется не только свободой воли субъектов, диспозитивностью и недопустимостью произвольного вмешательства в частные дела, принципом беспрепятственного осуществления гражданских прав и существованием таких специфических способов регулирования отношений, как правовой обычай и «предыдущее поведение» субъектов права, постольку именно в гражданском праве факторы, не имеющие по отдельности юридического значения, стали приобретать его в своей совокупности. Автор отмечает, что развитие теории интереса связано с необходимостью устанавливать намерение причинить вред, намерение достичь неблагоприятных последствий. Отмечаются также минусы использования такого критерия, как «неблагоприятные последствия», – они могут включать в себя любое ухудшение положения третьих лиц, что влечет за собой размытие категории «злоупотребление правом».

Ключевые слова: гражданское право, правомерное поведение, противоправное поведение, добросовестность, злоупотребление правом, позитивизм, защита «слабой стороны».

Abstract

This article is devoted to the theory of interest as a criterion for distinguishing the abuse of civil law from unlawful behavior and from behavior that is legitimate but irrational. Good faith is an evaluative category that does not meet legal definitions, whether it is lawful conduct or misconduct. In this regard, the author suggests dividing lawful behavior into ordinary lawful (conscientious) behavior and socially encouraged behavior, which fully corresponds to the generally accepted concept of conscientious behavior. Since it is civil law that is characterized not only by the free will of subjects, the dispositivity and inadmissibility of arbitrary interference in private affairs, the principle of unhindered exercise of civil rights and the existence of such specific ways of regulating relations as legal custom, the previous behavior of subjects of law, it is precisely in civil law that factors that do not individually have legal significance began to acquire it in their entirety. The author notes that the development of the theory of interest is associated with the need to establish the intention to cause harm, the intention to achieve adverse consequences, or to balance conflicting interests with each other for their legitimacy. The "disadvantages" of using the criterion of "adverse consequences" are also noted - they may include any deterioration in the situation of third parties, which leads to a blurring of the category of "abuse of law".

Keywords: civil law, lawful behavior, unlawful behavior, good faith, abuse of law, positivism, protection of the "weak side".

Практически любой более или менее сложный правовой вопрос имеет свои основания в проблеме соотношения естественного и позитивного права. Ее основными двумя аспектами были многочисленные варианты ответов на два вопроса: 1) вопрос о существовании надправовых категорий, которые превалируют над позитивным правом, которое существует в виде норм, закрепленных государственно-властными актами (законодательством и подзаконными актами), обеспеченных государственным принуждением, доступных для всеобщего ознакомления, и о степени предопределенности нормативных актов содержанием этих надправовых категорий; 2) вопрос о составе этих категорий (какие конкретно положения могут служить в качестве таковых, существует ли их иерархия¹). В зависимости от тяготения к одной из популярных точек зрения правопонимание субъекта примыкает либо к позитивистским, либо к юснатуралистским концепциям.

Принято считать, что причиной деградации Римской империи был нравственный кризис римского общества при том, что нормы частного права регулировали достаточно обширный для того периода круг общественных отношений, включая имущественные отношения римского государства и римских подданных². Одна часть исследователей полагает, что причиной тому являлось зачаточное состояние публичного права [15], другая видит корень в слабом развитии фидуциарных норм тогдашнего периода.

С другой стороны, основным недостатком юснатуралистских концепций был и остается релятивизм в отношении даже простого перечня источников неписаного права, не говоря уже об их иерархии. Одним из высших проявлений такого подхода является цивилистическая концепция правового плюрализма. Это неслучайно, так как именно частное право характеризуется: а) свободой воли субъектов, диспозитивностью и недопустимостью произвольного вмешательства в частные дела, беспрепятственным осуществлением гражданских прав; б) существованием в перечне его инструментов таких специфических способов

регулирования отношений³, как правовой обычай, предыдущее поведение субъектов права, не говоря уже о таком средстве регулирования, как договор сторон правового отношения⁴. То есть в гражданском праве стали наиболее выпукло проявляться тенденции к «юридизации» неправовых факторов. Говоря конкретнее – факторы, не имеющие по отдельности юридического значения, стали приобретать его в совокупности⁵. И именно в гражданском праве добросовестность стала отделяться от простого соблюдения норм права, а противопоставленная ей категория недобросовестности – от правонарушения.

Современная юридическая наука характеризуется повышенным вниманием к исследованию внеправовых факторов, их влияния на содержание норм действующего законодательства, вопро-

³ Традиционным является термин «источник права», однако автор данной статьи согласен с концепцией Д. А. Керимова о разграничении источников права на источники права в формальном и неформальном смысле, поэтому в данной статье используется термин «инструмент» как более точно отражающий суть юридически общеобязательного документа.

⁴ Конечно, договор в современной правовой реальности начинает проникать и в публично-правовые отношения, что является предметом многочисленных исследований, однако нельзя не отметить и явной вторичности его роли по отношению к частноправовому договору.

⁵ В частности, рассуждая об иностранном элементе как об основании применения иностранного права, исследователи указывают на то, что помимо субъекта иностранного права или объекта гражданских прав, находящегося за границей, к иностранным элементам частноправовых отношений также можно отнести, например, место совершения сделки, валюту обязательства, место жительства субъекта, язык, на котором составлен договор, опосредующий обязательство, и т. д. То есть иностранные элементы, формально не признаваемые основаниями для применения иностранного права, сами по себе могут сыграть роль своего рода «указателей» тесной связи (см.: Международное частное право : учебник / П. Б. Айтов, А. М. Белялова, Е. А. Бородина и др.; под ред. Р. А. Курбанова, А. С. Лалетиной. – М. : Проспект, 2015.) В судебной практике в условиях отсутствия законодательного запрета на рассмотрение третейскими судами споров с участием публично-правовых образований и, более того, прямого указания Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» в компетенцию третейских судов были включены все споры, возникающие из гражданско-правовых отношений, в том числе с участием государства. Эти споры стали де-факто «неарбитрабельными» при условии «наличия концентрации общественно значимых элементов», под которой понимается совокупность а) публичного интереса, б) факта участия публичного субъекта, в) влияния спора на бюджетные средства (См.: [10. – С. 4.]).

¹ Например, такая категория, как права и свободы человека, является дискуссионной в том смысле, что различаются права, поименованные в документах, и права, непоименованные в них.

² Более точная формулировка в терминологии римского права – «римского народа» (лат. *Populus Romanus*).

сов их выделения из числа незначимых, а также пытается установить соотношение этих факторов между собой и степень их влияния на правовую сферу [1]. По тому же пути идет и судебная практика, отказываясь от позитивистской ориентации при рассмотрении споров и уделяющая все больше внимания фактическим обстоятельствам [16].

Реформа российского законодательства 2008–2015 гг., результатом которой стала чрезмерная, по мнению многих представителей российской юридической науки, защита «слабой стороны» правовых отношений [9], серьезно изменила подход к защите ожиданий субъектов права от недобросовестных контрагентов по обязательствам. Ввиду того, что с момента вступления в юридическую силу последних поправок прошло 10 лет, представляется возможным говорить не только о результатах применения правовых новелл, но и о перспективах их развития.

Одним из краеугольных принципов гражданского законодательства является обязанность каждого субъекта гражданского права действовать добросовестно (принцип добросовестности). Извлечение преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения прямо запрещено, согласно содержанию пункта 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Своего рода новеллой является критерий заведомости злоупотребления: пострадавшему от злоупотреблений лицу необходимо доказывать тот факт, что лицо, недобросовестно осуществлявшее гражданские права, знало об их недобросовестности. Таким образом, если обычное противоправное поведение предполагает презумпцию осведомленности субъекта юридической ответственности о его противоправном характере (*ignorantia non est argumentum*), то злоупотребление гражданским правом считает своим *conditio sine qua non*¹ осведомленность совершающего его лица о недобросовестности своего поведения. Следует обратить внимание на то, что критерий заведомости недобросовестности поведения распространяется также на шикану и обход закона, что, на взгляд автора данной статьи, серьезно затрудняет применение норм гражданского законодательства о недобросовестности.

Важно отличать злоупотребление правом и обход закона от иррационального поведения. Правомое поведение предлагается разделить на

обычное правомое (добросовестное) поведение и социально-поощряемое поведение. Последнее, по мнению автора, вполне отвечает общепринятому понятию добросовестного поведения.

Как отмечает В. П. Грибанов, злоупотребление правом может быть совершено только при условии изначального наличия у лица определенного гражданского права, в рамках содержания которого оно действует. При этом непосредственное совершение злоупотребления может проявляться исключительно в ходе использования данного права (его осуществления). Как следствие, в соответствии с его точкой зрения, злоупотребление правом состоит в использовании таких форм осуществления имеющегося субъективного гражданского права, которые выходят за установленные законом пределы его осуществления [4].

Таким образом, в рамках концепции злоупотребления правом как пределов осуществления гражданских прав содержание субъективного гражданского права и содержание пределов его осуществления рассматриваются в качестве не совпадающих друг с другом категорий. При этом злоупотребление правом может совершаться существенно посредством несоблюдения **пределов осуществления** гражданского права. В ситуациях, когда действия лица нарушают **пределы содержания** гражданского права, речь о злоупотреблении идти не может. В последнем случае может иметь место общее правомое или противоправное поведение, но никак не злоупотребление правом. Впрочем, указанная концепция встречает достаточно серьезную критику в юридической литературе² [5; 6; 13]. Основой для критических замечаний преимущественно выступает утверждение о том, что пределы осуществления и пределы содержания субъективных гражданских прав совпадают друг с другом, а точнее, пределы осуществления права предопределяются пределами содержания данного права и, как следствие, не имеют самостоятельного наполнения. В то же время, помимо теории злоупотребления правом как нарушения пределов осуществления гражданских прав, в цивилистической доктрине была сформирована и так называемая теория интереса. В соответствии с данной теорией понятие и содержание злоупотребления правом раскрываются через категорию интереса. При этом общим при-

¹ Необходимым условием (лат).

² Алексеев С. С. Теория государства и права. – М. : Норма, 2005. – С. 175.

знаком для разнообразных направлений развития данной теории выступает признак отсутствия интереса в надлежащем осуществлении права у лица, которому оно принадлежит.

В то же время, в зависимости от дополнительных признаков злоупотребления правом, в составе общей теории интереса можно выделить три основных направления.

1. В рамках первого направления исследований в качестве дополнительного признака злоупотребления правом выделяется то, что можно обозначить термином «намерение причинить вред третьим лицам»¹. Так, в соответствующих исследованиях отмечается, что квалификация действий лица как злоупотребления правом требует их направленности на достижение только одной цели – цели причинить вред третьим лицам. При этом из обстоятельств совершения злоупотребления правом должно следовать отсутствие у управомоченного лица любого другого интереса при осуществлении им своего гражданского права².

Вместе с тем стоит сразу отметить, что на практике установление наличия исключительного намерения причинить вред является крайне затруднительной задачей. Для устранения подобного несовершенства Ю. Б. Фогельсон предложил подходить к толкованию намерения причинить вред с позиции наличия у гражданского права корреспондирующих ему гражданских обязанностей, установленных в интересах управомоченного лица³.

При таком подходе злоупотребление правом будет возможным в тех случаях, когда гражданским правом обладает лицо, у которого отсутствует интерес в исполнении корреспондирующих обязанностей и которое использует предоставленное ему право в целях причинения вреда третьим лицам (как правило, ими выступают обязанные лица).

2. Второе направление исследований в рамках теории интереса в качестве дополнительного (к отсутствию интереса в надлежащем осуществлении субъективного гражданского права) фактора

рассматривает признак наступления неблагоприятных последствий для третьих лиц [11. – С. 61].

3. Третье направление исследований, проведенных в границах теории интереса, относит нарушение интересов третьих лиц к дополнительному признаку злоупотребления правом. Среди представителей данного направления можно отметить таких авторов, как М. И. Брагинский [3] и А. Я. Курбатов [7]. Так, в частности, по мнению М. И. Брагинского, злоупотребление правом следует понимать как ситуацию, в рамках которой интересы лица, обладающего субъективным гражданским правом, связанные с осуществлением данного права, вступают в противоречие с интересами третьих лиц или интересами гражданского оборота в целом [3]. Как отмечает Л. А. Бирюкова, в подобном контексте основной целью статьи 10 ГК РФ выступает устранение потенциального и реального конфликта интересов, возникающего при осуществлении субъективных гражданских прав [2].

Отметим, что подход к пониманию института злоупотребления правом как способа разрешения конфликта интересов встречается и в рамках судебной практики (особенно в рамках судебной практики, сформировавшейся до внесения изменений в ст. 10 ГК РФ). Так, можно встретить судебные решения, в которых обоснование применения или неприменения статьи 10 ГК РФ опирается на наличие или отсутствие установленных нарушений интересов третьих лиц⁴.

В то же время применение теории интереса в рамках непосредственных практических ситуаций злоупотребления правом оказывается несколько затруднено необходимостью устанавливать намерение причинить вред, достичь неблагоприятных последствий или проводить соотношение конфликтующих интересов друг с другом на предмет их правомерности. Несмотря на то, что в правовой доктрине нет единства в понимании содержания процесса толкования нормы права, а следовательно, и в отношении роли суда в его реализации, многие ученые отмечают, что толкование права может происходить в двух аспектах: сначала уяснение содержания правовой нормы правоприменителем с целью определения своего поведения, а затем разъяснение смысла и содержания нормы права [8].

¹ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. – М., 2003; Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998; Фогельсон Ю. Б. Избранные вопросы общей теории обязательств : курс лекций. – М., 2001 и др.

² Эннексерус Л. Курс германского гражданского права : Введение и общая часть / под ред. Д. М. Генкина, И. Б. Новицкого; пер. И. Б. Новицкого, Г. Н. Полянской, В. А. Альтшулера. – М., 1950. – Т. 1. – Полут. 2. – С. 437–438.

³ Фогельсон Ю. Б. Указ. соч. – С. 64, 71.

⁴ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 5 марта 2001 г. по делу № Ф08-575/2001 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 20 сентября 2007 г. по делу № Ф08-6094/2007 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

Развитие специфической концепции недобросовестности именно в гражданском праве неслучайно, поскольку в гражданском праве действуют специфические инструменты регулирования отношений, позволяющие частным лицам влиять, пусть и косвенно, на содержание права [14]. Недобросовестность, лежащая между правоммерным и неправоммерным поведением, является своего рода «зеркальным» ответом на предложение некоторых ученых разделить правоммерное поведение на обычное правоммерное (добросовестное) поведение и социально-поощряемое поведение.

Автору данной статьи представляется необходимым перераспределить бремя доказывания заведомости злоупотребления. Разумеется, речь не идет в данном случае об изменении действующего законодательства. В настоящее время стороне, заявляющей о недобросовестности, необходимо доказывать тот факт, что лицо, недобросовестно осуществлявшее гражданские права, знало

об их недобросовестности. Автор предлагает упростить задачу заявителя – достаточно того, что лицо, прибегающее к недобросовестному поведению, сознательно допускало возможность нарушения прав и законных интересов заявителя.

Процесс правоприменения не заканчивается установлением ответственности за правонарушение. Целью права (и, соответственно, правоприменения) является регулирование поведения субъектов. При этом неблагоприятные последствия в рамках данного направления рассматриваются максимально широко и могут включать в себя практически любое ухудшение положения третьих лиц. Впрочем, именно подобная широта в определении неблагоприятных последствий является недостатком соответствующих направлений цивилистических исследований, поскольку она влечет за собой некоторое размытие категории «злоупотребление правом».

Список литературы

1. *Абрамова А. И.* Стратегия правотворчества в условиях конвергенции социальных и технологических инноваций // Журнал российского права. – 2022. – № 10. – С. 18–27.
2. *Бирюкова Л. А.* Злоупотребление правом в теории и практике применения норм о банковской гарантии // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. – М., 2002. – Вып. 2. – С. 280–296.
3. *Брагинский М. И.* Осуществление и защита гражданских прав. Сделки. Представительство. Доверенность. Исковая давность // Вестник ВАС РФ. – 1995. – № 7. – С. 99–113.
4. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. – М. : Статут, 2000.
5. *Емельянов В. И.* Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М. : Лекс-Книга, 2002.
6. *Кузнецова Л. В.* Сделки, совершенные под условием // Сделки: проблемы теории и практики : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2008. – С. 198–238.
7. *Курбатов А. Я.* Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. – М., 2001.
8. *Мехтиев М. Г.* О решении Федерального конституционного суда Германии по программе выкупа государственных облигаций Европейским центральным банком // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 4 (83). – С. 134–138.
9. *Налетов К. И.* Перераспределение правотворческих полномочий в условиях пандемии COVID-19 // Экономика. Право. Общество. – 2021. – Т. 6. – № 4 (28). – С. 16–22.
10. *Налетов К. И.* Трансформация частноправового аспекта деятельности государства в эпоху глобализации // Страховое право. – 2018. – № 2 (79). – С. 3–9.
11. *Пашин В. М.* Последствия злоупотребления правом // Законодательство. – 2006. – № 12. – URL: <https://base.garant.ru/5313664/>
12. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. – М., 1998.
13. *Радченко С. Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России. – М. : ВолтерсКлувер, 2009.
14. *Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, С. В. Чиркин [и др.].* – М. : Норма : Инфра-М, 2023.

15. Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. – М. : Норма : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024.
16. Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма : Инфра-М, 2023.